

ОБЩЕСТВА НА ПЕРЕЛОМЕ: ВСТРЕЧА НЕМЕЦКИХ СОЦИОЛОГОВ В ГАЛЛЕ-НА-ЗААЛЕ

В апреле 1995 г. в городе Галле-на-Заале состоялся очередной конгресс "Немецкого социологического общества" (DGS), посвященный общественным проблемам социальных изменений, происходивших с 1989 г. Это был двадцать седьмой по счёту конгресс "Немецкого социологического общества" со дня его основания в 1909 году и уже 5-й конгресс немецких женщин-социологов.

Последний конгресс социологов ГДР (Берлин, февраль 1990 г.), а также восточногерманско-общегерманский социологический конгресс (Лейпциг, май 1991 г.), как и 25-й и 26-й конгрессы "Немецкого социологического общества", состоявшиеся, соответственно, в 1990 г. во Франкфурте-на-Майне и в 1992 г. в Дюссельдорфе, в значительной мере отличались растерянностью и потерей ориентации, эйфорией "быстрой модернизации", общими суждениями о прошлом ГДР, первыми впечатлениями от новой жизни и вызванным ею удивлением. На этот раз в Галле всё выглядело куда более "трезво". На 100 пленарных и секционных заседаниях, форумах, ad hoc-группах, вечерних докладах и poster-sessions было сделано свыше 400 выступлений. Одни только 12 пленарных заседаний охватывали довольно широкий круг вопросов — от социологических теорий в эпоху перелома и трансформации общества, развития демократии в Германии, сближения и разрыва в материальном положении людей, проблем труда, профессий, крупного предприятия, образования, детства и молодёжи до систем социального страхования и долгосрочных перспектив развития восточноевропейских обществ.

Название "Общества на переломе" призвано было, по замыслу организаторов, выполнять три смысловые функции: во-первых, подводить промежуточный баланс в том, что касается процессов трансформации восточногерманского общества; во-вторых, привлечь внимание к международному измерению назревающих и происходящих "переломов"; в-третьих, высветить то, как все эти процессы воспринимаются в западногерманском обществе.

Что касается последней задачи, то она осталась по большей части лишь намерением, хотя патрон конгресса, премьер-министр земли Саксен-Ан-хальт Райнхард Хёппнер, именно с ней связывал свои надежды.

Изобилие эмпирии при дефиците теории

Ещё ни на одном конгрессе не было такого множества сравнительных эмпирических исследований, предметом которых были бы восточные и западные немцы. Условия жизни, стили жизни, потребительское поведение у школьников, одинокая жизнь как неконвенциональная форма жизни, отношения между врачом и пациентом, трудности взаимопонимания в сфере права, формы религиозности в сельских общинах, установки по отношению к воссоединению Германии, нация и этнические меньшинства, мужчины-гомосексуалисты и СПИД, отношение к загрязнению окружающей среды, самоопределение в старости, правый экстремизм у молодёжи, родители как пример для своих подрастающих детей, языковые конструкции разговоров, ведущихся при отборе претендентов на ту или иную работу, и т.д. — во всём этом выявлялись сходства и различия у восточных и западных немцев. В центре внимания были сами эмпирические факты, констатирующие существующее положение вещей. Причём в этих сравнениях явно ощущался дефицит методологии и методики. Столь различные социальные контексты двух диаметрально противоположных обществ нельзя так просто сравнивать друг с другом с помощью эмпирических фактов даже после политического объединения, после переподчинения социальных институтов бывшей ГДР и распада восточногерманской элиты. Концепция Бурдьё о воспроизводящихся последствиях экономического, культурного и социального капитала и её эмпирическое подтверждение, равно как и многочисленные исследования образа жизни, стили жизни и типов ментальности весьма убедительно обосновывают бесперспективность такого рода занятия. Тем не менее, этого не учли.

В своём приветственном слове к конгрессу Ютта Лимбах, профессор социологии права, ушедшая в политику, поставила интересные вопросы: позволяют ли "употреблявшиеся в прошлом теории и инструментарий социальных наук, с помощью которых мы рассматривали различные условия жизни в поле напряжения конфликта Восток-Запад", провести адекватный анализ сложнейших процессов трансформации сегодня? В какой мере от этих "бывших ранее в употреблении теорий" отказываются, в какой мере они заменяются новыми, используются разборчиво или, быть может, они всего лишь наполняются новым эмпирическим содержанием? У меня сложилось такое впечатление, что при объяснении переломных процессов, происходящих в Германии, на конгрессе доминировали теория тоталитаризма, с одной стороны, и теория модернизации, с другой. Именно они стали тем шаблоном, который наполнялся самым разнообразным эмпирическим содержанием.

Конечно, Вольфганг Цапф и другие представители теории модернизации знают, как применять её, учитывая сегодняшние конкретно-исторические реалии, однако факт остаётся фактом: дальше образца "больше" и "лучше" в том, что касается рыночного хозяйства, конкурентной демократии и государства всеобщего благополучия как критериев достигнутой и прогрессирующей модернизации, никто не пошёл. Только не сделали ли

эти "критерии" в их абсолютной форме сомнительными или по крайней мере хрупкими как критерии модернизации и социального прогресса уже до 1989 года в самой ФРГ, а тем более в общегерманском развитии последних лет? Бесконечное расширение рынка вплоть до самых глубинных интимных сфер жизни, с одной стороны, и монополистические или диктуемые сильнейшим ограничения, равно как и дискриминационные последствия рынка, с другой, наконец, очевиднейшие недостатки демократии, построенной на борьбе партий, и стремление ограничиться только государством всеобщего благополучия — всё это давно стало предметом критики и даже в Германии свидетельствует о том, что говорить о простом прогрессе при такой модернизации едва ли возможно.

Если процессы, происходившие в восточной Германии и направленные на то, чтобы догнать западную, и придавали этим теориям вид некоторой легитимности, то длилось это недолго. Поначалу сопутствующие процессы, действие которых в тенденции направлено в прямо противоположную сторону и которые можно наблюдать в сложившихся современных обществах западной Европы, отеснялись на второй план, присущая им амбивалентность скрывалась. Между тем, вспыхнувшие снова конфликты и противоречия, связанные с бедностью и другими видами социальной дискриминации в национальных рамках, как и вновь развязанные на международном уровне этнические конфликты и войны, никем не интерпретируются как "больше" и "лучше" модернизации.

Ханс Иоас на пленарном выступлении подверг проверке теорию модернизации на одном из самых актуальных примеров. По его убеждению, применение насилия и войн как способов решения общественных конфликтов и противоречий является составной частью современности: "Война и насилие — это части современности, а не только её предыстории". Таким образом, и здесь кое-что изменилось: от проблемы, способен ли капитализм сохранять и поддерживать мир, дискутировавшейся на Востоке и на Западе в 80-е годы, мы в 90-е годы вернулись обратно к "нормальности" войн в процессе формирования новых капиталистических обществ как составной части современности.

Что касается международного измерения переломных общественных процессов, то большинство докладов было сконцентрировано на развитии в восточной и юго-восточной Европе. Надо отдать должное **Ингрид Освальд**, которая выступила с аргументированной и конструктивной критикой (что на самом деле бывает не так часто) аналитической концепции процесса политической трансформации Клауса Оффе. Пожалуй, самым содержательным как с эмпирической, так и с теоретической точки зрения выступлением иностранных гостей, был, на мой взгляд, доклад **Рудольфа Андорки** (Будапешт) "Бедность в процессе трансформации социалистических обществ на примере Венгрии". Запомнились также доклады о страхе перед преступностью в Польше, о русском национализме в процессе общественной трансформации, о неформальных хозяйственных сетях в экономической жизни Болгарии, о социальном неравенстве семей в Словакии, о процессе трансформации отношений между полами в Чехии, о вероисповеданиях и войне в бывшей Югославии, о формировании новых местных элит в Петербурге. Это были как бы отдельные, выхваченные из общей картины, мозаичные камушки, но они-таки давали представление о том всеохватывающем процессе трансформации, который идёт в этих обществах.

И всё же в центре внимания конгресса было, несомненно, развитие в восточной Германии — его исторические корни, возможные перспективы, актуальные проблемы, характер общегерманских отношений. Как нечто само собой разумеющееся констатировалась историческая уникальность восточногерманского процесса по сравнению с другими странами восточной и юго-восточной Европы, по сравнению с переходом от диктатуры к буржуазно-демократическому правому порядку в Испании и Португалии или с капиталистической модернизацией в странах Азии и Латинской Америки. Но какие выводы делались из этого применительно к социологической теории?

Как составные части и следствия общегерманского процесса трансформации эмпирически изучались, анализировались и обсуждались такие процессы, как крушение государственного социализма в ГДР, слишком кратковременные поиски альтернативы общественного развития для ГДР, присоединение к ФРГ с полной передачей в её подчинение общественных институтов, восстановление частной собственности на промышленные предприятия (с далекоидущей деиндустриализацией восточной части Германии), а также на землю и земельные участки (с требованиями возврата жилой площади, число которых приближается к десяти тысячам), почти полная смена элит (с "импортом" десяти тысяч западных государственных чиновников), восстановление параграфа 218, направленного против права женщин свободно распоряжаться своим телом, безработица, новые социальные отношения, связанные с изменением доходов и условий жизни, снижение рождаемости и рост потенциала насилия, переворот в ценностях и потеря ориентации в жизни. Но является ли всё это процессами трансформации? А может быть на самом деле — это всего лишь адаптация к старой ФРГ?

Трансформационный характер процессов, происходящих в восточной части Германии, неоспорим, только вот социальные институты и действующие лица, определяющие "погоду" на рынке и в политической сфере, появились не в результате трансформации того, что ранее имелось в наличии, а были имплантированы извне. Вот почему для своего объяснения они нуждаются в разработке иного теоретического и методического инструментария, нежели те, что применялись для анализа переходов от буржуазной диктатуры к буржуазно-парламентарным порядкам в Испании и Португалии, или действительно имевшей место трансформации обществ государственного социализма "из самих себя", происходящей в восточной и юго-восточной Европе в направлении к буржуазной экономике и буржуазному общественному порядку. Но, на мой взгляд, как раз

эта задача, выдвигающая новые теоретико-методологические требования к социологии, не была проблематизирована и не нашла продуктивной разработки на конгрессе в Галле.

Самопонимание и функции социологии

Конечно, организаторы конгресса могли с полным правом утверждать, что ещё ни один общественный перелом не исследовался эмпирически средствами социальной науки так полно и всесторонне, как происходящий в последние пять лет в восточной Германии.

Только зачем и для кого? Социологи бывшей ГДР умеют ценить признание общественности. Публикация результатов исследований и снятие табу со многих тем (таких, например, как проблематика элиты и т.п.) удовлетворяет любопытство общественности, её потребность в новой информации, пробуждает проблемное сознание и ... Хотел было написать "потенциал перемен", но перо само остановилось. У кого социально-научные исследования о переломных процессах в восточной Германии должны пробудить "потенциал перемен"? У социологов? У тех, кого они исследуют? У политиков?

Высказанное на пресс-конференции с видимым удовлетворением, сообщение о том, что многочисленным министерства и ведомства, правительства земель и даже лично Федеральный канцлер заказывают и запрашивают социологические исследования, не в состоянии произвести ожидаемого впечатления на социологов бывшей ГДР, наученных горьким опытом. Мы-то хорошо знаем такие заказы и запросы, да кроме того сами не раз по собственной инициативе проводили такого рода исследования для того, чтобы хоть что-то изменить. Правда, добились мы так же мало, как и социологи ФРГ, которые пытались с помощью своих социологических результатов и экспертиз изменить и сделать социально приемлемыми правовые положения о съёме жилья, новую политику в области рынка труда, параграф 218 и т.д.

В этом отношении куда более проницательной оказалась Ютта Лимбах, сегодняшней президент Федерального Конституционного суда, бывший министр юстиции сената Западного Берлина, а до этого — профессор социологии права. В своей приветственной речи к конгрессу она призналась, что перейдя из науки в политику, вынуждена была "забыть" многое из того, чему научилась, будучи социологом права. Но как раз потому, что отношения между наукой и политикой столь напряженные, и блокируется всё то, что идёт вразрез с проводимой сегодня реальной политикой, недостаточно громоздить горы исследований и докладов по социальной политике, заслоняться большим или меньшим числом грамотных выступлений от реально существующих отношений между полами и общественного патриархата, актуальнейших проблем охраны окружающей среды и партийных склоков.

Если социология хочет, чтобы общество считалось с её компетентным критическим суждением, если она хочет вновь добиться признания и среди широкой общественности и среди политиков, то она обязана воспользоваться своей функцией критики общества. Это — тоже один из уроков социологии ГДР! И для этого вовсе не требуется оставаться лишь в рамках духовного наследия Карла Маркса и кругу социалистических идей. Чарльз Райт Миллс в 50-е годы критиковал голый эмпиризм большей части американской социологии как "удвоение status quo" с радикально-демократических позиций, а Гоулднер повторил эту критику двумя десятилетиями позднее. Примерами такой общественно ангажированной критики, причём с самых различных теоретических и политических позиций, являются критические диагнозы и прогнозы Ульриха Бека, политическая и социологическая публицистика Юргена Хабермаса, а также критически-аналитические исследования элит ФРГ Эрвина К. Шойха. Но они ещё не свидетельствуют о том, что именно таково самопонимание немецкой социологии в целом как scientific community.

Эмпирическим исследованиям по проблемам оплаты труда, жилья, школьного и профессионального образования, этнических меньшинств и иммиграции, а также здоровья и политики в области здравоохранения (бросалось в глаза большое число последних) было посвящено на конгрессе в Галле очень много внимания. Из большинства выступлений явствовало, что социальная политика и само понятие "социальное государство" остаются до сих пор парадигматически неясными проблемными полями. Но именно здесь и не было предложено никаких концепций, которые могли бы средствами науки защитить сегодняшние социальные ориентиры от нападков союзов предпринимателей и правительственных структур.

Это вновь заставляет поднять вопрос о том, какими средствами и возможностями располагает социальная наука для того, чтобы воздействовать на политиков — иногда вопреки их очевидным намерениям и предшествующим действиям? Проблемы буржуазного "социального государства", укрепляющегося общественного патриархата, приведения в соответствие экономики и экологии, теоретического объяснения старых и новых социальных неравенств, насилия и войн и т.д. настоятельно требуют не только социологического изучения, но и разработки вариантов их практического разрешения. Каждый из комплексов этих проблем заслуживает того, чтобы стать темой одного или нескольких конгрессов. Кстати, тот факт, что на конгрессе в Галле остались в тени социальные движения, профсоюзы и возможности всестороннего демократического участия, заставляет задуматься.

Разумеется, были на конгрессе такие доклады, как "Трансформация на примере отношений между полами" или "Как экологический кризис меняет образцы общественных отношений?". Были и другие аналогичные выступления. Среди социологов, затронувших такого рода темы, следует отметить **Ирену Дёллинг, Илону Остнер, Райхарда Креккеля, Хаско Хюнинга**. Но они, как нам кажется, выполняли скорее функцию алиби,

чем свидетельствовали о намерении организаторов всерьёз разобраться с этим кругом проблем, который требует срочного социального реформирования. Во всяком случае, если бы одна из вышеозначенных тем стала темой следующего 28-го конгресса "Немецкого социологического общества", то это дало бы больший прирост социологического знания и в большей мере соответствовало бы общественно-критической, просветительской и созидательной функциям социологии, чем ни к чему не обязывающая тема "Разность и общность" ("Differenz und Integration"), уже выбранная в качестве темы следующего конгресса.

Вместе с социологами бывшей ГДР или без них?

Неделю социологи Германии населяли центр города Галле. Среди них можно было встретить и социологов бывшей ГДР. Лишь немногие из них имеют постоянную работу. Большинство — безработные, заняты в общественных организациях, включены в какие-то проекты, средства на которые доходят через третьи руки. Но уже по сравнению с конгрессами в Берлине (1990 г.) и в Лейпциге (1991 г.) в Галле не хватало многих, слишком многих. Люди вынуждены подыскивать себе другую работу, заменяющую их основную профессию: доктора наук становятся страховыми агентами, профессора получают пенсии, которые иначе как наказанием не назовёшь. Многие смирились с таким положением и не смогли приехать в Галле. Между тем, восточногерманские социологические институты и спецсоветы почти все без исключений укомплектованы коллегами по профессии из старой ФРГ. В официальной программе конгресса можно найти фамилии лишь совсем немногих социологов бывшей ГДР.

Фактически, в социологии как науке отразились изучаемые ею общественные реалии объединённой Германии. Трудно поверить, что это всего лишь простой недосмотр или неточная формулировка, когда в материале конгресса, повествующем о социологии в ГДР и предназначенном для прессы, организаторами совершенно официально заявляется, будто "в конце 1989 г. в Восточной Германии было всего около дюжины профессоров социологии". Если за основу этого подсчёта была взята сфера высшего образования (но уже и в ней число профессоров было большим), то почему проигнорированы 25 профессоров социологии, работавшие в академических институтах и других внеуниверситетских учреждениях? Для того, чтобы выставить в более выгодном свете 38 западногерманских профессоров, занявших места своих восточногерманских коллег, или для того, чтобы по примеру правительства земли Мекленбург-Передняя Померания уже после проведённой профессиональной дискриминации полностью или частично лишить восточногерманских профессоров помимо всего прочего также и их учёных званий?

Как раз одним из самых ужасных явлений ГДРовской политики в области науки было то, что не полюбившихся учёных сначала лишали степеней и званий, а потом начинали обращаться с ними, как с научно-неполноценными личностями. В социологии такое случилось с Хайнцем Каллабисом, который сегодня, как ни странно, вновь стал безработным. Может быть, "Немецкое социологическое общество" хочет переплюнуть ГДР, практикуя то же самое не в отдельных случаях, а в массовом порядке, и лишить ГДРовских профессорских званий своих коллег из Академии наук ГДР, из Академии общественных наук при ЦК СЕПГ, из Центрального института исследований молодёжи и др.? Не слишком ли быстро прекратило свою деятельность "Восточногерманское социологическое общество", основанное в 1990 году? Как "Немецкое социологическое общество" собирается интегрировать в социологию ФРГ то знание, тот специфический социальный опыт и биографии многих сотен социологов бывшей ГДР, не продолжая дальше их дискриминацию и интеллектуальное "списывание"?

В последние годы появились некоторые критические и самокритичные публикации о социологии ГДР и её представителях. Основательного научного критического разбора, между тем, до сих пор нет, и автор этих строк считает своим долгом внести в это дело свой вклад, но при этом интеллектуально "списывать" себя не собирается!

знаком единства немецких социологов было бы, например, приглашение по крайней мере одного-двух социологов из Галле или Лейпцига в круг уважаемых лиц, выступавших с вечерними докладами (Д.Клэссенс, Ф.Фюрстенберг, Т.Хорц, М.Р.Лепсиус, Р.Наве-Херц). Исследования Рудхарда Штольберга по социологии труда в Галле или опыт Вальтера Фридрихса из Лейпцига по исследованию молодёжи в ГДР (в частности, его исследование по близнецам, заслужившее международное признание) наверняка нашли бы свою аудиторию и были бы, несомненно, адекватным научным вкладом в общегерманскую историю социологии.

Вместо этого организаторы следовали тому шаблону, относительно которого Ютта Лимбах, исходя уже из собственного опыта, спрашивала: "а было ли это умно — предварительно приватизировать предприятия, являющиеся общенародной собственностью, вместо того, чтобы прежде санировать их"; или было ли, с точки зрения правовой политики, разумным "безоглядно переносить наш федерально-республиканский правовой порядок на новые земли?" Ведь отметил же председатель "Немецкого социологического общества" **Штефан Храдил** во время заключительной пресс-конференции такие достоинства восточного немца, как сильно выраженное коллективистское сознание, способность разобраться в полном беспорядке ("Chaos-Qualifikation"), более высокую социально-политическую ответственность.

Премьер-министр земли Саксен-Анхальт **Р.Хёппнер** в своём приветственном слове поднял планку ещё выше: для него вместе с крахом "реально существующего" социализма "поиск справедливой совместной жизни людей ещё далеко не закончен", для него

социализм был и остаётся поисковым понятием; по его словам, он и дальше будет искать синтез двух полярных общественных лейтмотивов — конкуренции и кооперации — и ожидает ответов на эту тему от социологического конгресса. По-своему истолковав множественное число слова "общество" в названии конгресса ("Общества на переломе"), Р.Хёппнер так сформулировал свой запрос к социологическому сообществу объединённой Германии: "Если ты 20 лет смотрел, как рушится одна система, то теперь следующие 20 лет своей жизни ты не хочешь смотреть, как рушится другая система, потому что она не отвечает требованиям будущего." Это было самым программным выступлением на конгрессе из всех, которые я слышал. "Германскому Архиву" надо бы его переиздать как документ!

По крайней мере слова, сказанные двумя политиками в адрес конгресса, должны были дать ещё один повод правлению "Немецкого социологического общества" призадуматься над тем, не располагают ли общество, социология и социологи бывшей ГДР большим опытом, необходимым для будущего развития Германии в национальном и интернациональном масштабе, чем это сегодня официально принято считать, хотеть и практиковать.

Х.ШТАЙНЕР,
доктор философии, профессор

Перевод с немецкого
кандидата философских наук
А.Н.МАЛИНКИНА